

«Клинико - психологическая корреляция при церебральном атеросклерозе». Так красиво звучала тема диссертации, которую писал выпускник Бакинского мединститута Юлий Гусман. И не дописал. Чтобы стать настоящим врачом, нужно любить медицину, уметь часами сидеть в вонючей палате, расспрашивать больных и терпеливо слушать. Молодой бакинец с дипломом врача любил (и умел) другое — институтский театр, студенческую самодельность, комсомольскую работу и ставший уже легендарным «первый» КВН. Аспирант Юлий Гусман пришел к профессору Соломону Гусману и сказал: «Папа, я больше не могу!» Шел 1970 год, КВН как раз разыгрывал своего рода «Кубок кубков». В очередной раз искусство победило медицину.

Хоть Юлий Гусман уже много лет живет в Москве и прочно влился в круг столичной элиты, запах моря, пляжа и хурмы остался с ним навсегда.

— У каждого человека есть город его детства. Но это не просто розовый дым воспоминаний. С конца века у меня в Баку жило пять поколений предков, и я с детских лет ощущал себя коренным бакинцем и гордился этим.

Была такая особая национальность — бакинец. Только клановость, местничество, мафия здесь ни при чем. Баку 60—70-х годов — тема исследований и рассказов многих людей. Наверное, таким городом была Одесса времен Ильфа и Петрова. Мне обидно, когда азербайджанцев выставляют зверями-националистами. Город, где дружно жило на миллион азербайджанцев примерно 200 тысяч армян, не меньше русских, украинцев, евреев, тагов, лезгинов, курдов. Я учился в престижной школе № 160, на золотую медаль там претендовали многие, но получили лишь два армянских мальчика. Какой национализм, когда капитаном команды КВН был еврей, которым гордилась вся республика, а сама команда, которую обожали и приветствовали, на треть состояла из армян!

— Сейчас многие ждут финального поединка КВН-92, где встретятся команды Баку и Еревана.

— Это вообще уникальный случай! Эти команды дружат, помогают друг другу, и никто их не критикует по возвращении домой. За что огромное спасибо и им, и клубу, и редакции КВН, и Александру Маслякову лично.

— Если уж речь зашла о КВНе, то, наверное, мне не надо задавать специальный вопрос...

— КВН периода 1961—1972 годов отличался от сегодняшнего. Но совсем не потому, что нынешний хуже, — наоборот: с точки зрения количества шуток в единицу времени и пространства, постановочности, зрелищности новый КВН не уступает и даже превосходит КВН двадцатилетней давности. Но в наше время эта передача была глотком свежего воздуха — как Таганка или «Современник» (да простят мне сравнение с великими!). Хотя кто-то думал, что система просто выпускает пар. Конечно, мы знали, что можно и дозволено говорить, но все равно три часа живого эфира каждый месяц.

— Есть у вас любимый трюк или шутка из «старого» КВНа?

— Меня всегда интересовало, как работает мозг в условиях дикого стресса — тем более, что я все-таки занимался психиатрией в институте. Был КВН, посвященный морю, капитаны команд стали капитанами кораблей. В одном из заданий нужно было вызвать из зала любимую девушку и выполнить любое ее желание. Мой соперник, капитан команды МИСИ Андрей Меньшиков, поднял свою жену, и она сказала: «Поговори с ним, как капитан с капитаном». Андрей достал два платка и начал махать по флажному семафору. Я стоял красный от злости и стыда: изучение морской азбуки входило в курс подготовки капитанов, но, конечно, не хватало времени. Но Андрей еще не успел домахать, как я понял, что «убираю» его начисто. Да, я не понимаю, что он «машет», но и в зале никто не понимает. Соперник кончил «говорить», и я тут же начал стучать по микрофону — якобы азбукой Морзе. Зал понял и взорвался.

Я выиграл этот конкурс.

ЛЮБИМОЕ воспоминание детства — пластинка из коллекции отца с замечательной музыкой к фильму «Мост через реку Квай». (Под мелодию из этой картины появляется герой Михаила Козакова в фильме «Здравствуй, я ваша тетя»). Вспомнили? На первое занятие двухгодичных Высших курсов сценаристов и режиссеров Юлий Гусман опоздал. Выслушав замечания завуча Натальи Васильевны Ерошиной, человек, недавно писавший кандидатскую, думал: стоило девятнадцать лет учиться, чтобы опять начались наставления и «двойки». Но, подойдя к залу, опоздавший слушатель курсов услышал знакомый свист — шел его любимый «Мост через реку Квай».

— Два года нам показывали замечательные фильмы. А мой студенческий билет в определенные дни служил пропуском в Дом кино на Васильевской. Помню

военных партий и движений прошли мимо витража Леже в вашем фойе. Трудно вспомнить, сколько раз выступал у вас Ельцин. У вас проводил съезд своей партии Руцкой. Здесь собирались: «Московская трибуна», потом «Демократическая Россия», движение «Апрель», даже форум советских немцев был.

— До путча мы давали пристанище всем, кого не пускали в другие места. Сейчас, слава Богу, пускают всюду. Но когда летом 89-го года Ельцин попросил у Горбачева какое-нибудь помещение, чтобы там провести заседание Межрегиональной депутатской группы, ему и тремстам других народных депутатов СССР отказали. И только Дом кино дал место сразу. Можно представить, как это было трудно: все в отпуске, системы кондиционирования отключены, воды нет, уборщиц нет, идет ремонт. Не могу не отдать должного

да и в кабинете благодарность Ельцина на стене висит. Я звоню в Москву жене (как ни странно, связь работала) и говорю: «Ты понимаешь, Валя, я быстро приехать не могу, у меня очень выгодное предложение и я остаюсь на некоторое время». Она, сквозь слезы: «Понимаю». — «Попроси Виталика Пименова, пока у нас ремонт, пусть он все, что не нужно, уберет из кабинета подальше, чтобы не испачкалось. Понимаешь?» — «Понимаю». — «И дома тоже полно всякого хлама». — «Понимаю».

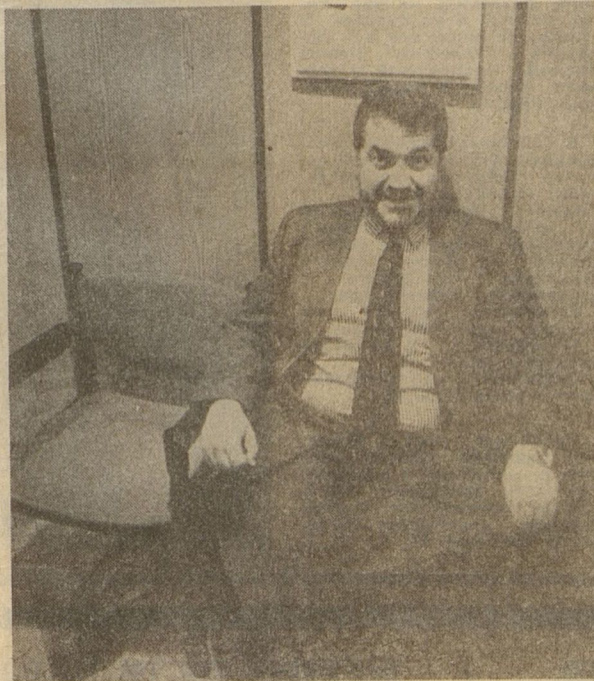
— Вы не хотели лететь в Москву?

— Я был уверен, что ночью убьют Ельцина, а утром многих арестуют. Лететь в Москву тогда было невозможно. Мы вернулись в Москву через несколько дней.

И сейчас, когда я читаю, что это был не путч, а оперетта, что то ли Ельцин сам подготовил, то ли Горбачев не так понял, я вспоминаю эти три дня в Вашингтоне, тот ужас, который испытывал вместе со всем миром, и мне становится.

А МУЗЫКА ИГРАЕТ

Юлий ГУСМАН:
Я первый человек, кто поставил рок-оперу «Иисус Христос» в этой стране

коллективу — мы отозвали всех из отпуска, я попросил у Ельцина неделю на подготовку, и 29—30 июля в Доме кино прошло первое собрание «межрегионалов». У меня в кабинете висит благодарственное письмо Бориса Николаевича.

— А как у вас сидели террористы?

— 28 марта 1991 года на московские улицы впервые вышли танки — против сотен тысяч людей. И в этот день не кто иной, как второй человек в стране, Председатель Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов, громко на всю страну заявил на сессии, что, по сведениям, которые привез Пуго, в Доме кино заседают две группы террористов по триста человек, с рациями, оружием и транспортом. На самом деле во всем здании ЦДК лишь две уборщицы мыли пол. В 12 часов дня мы — находясь здесь же! — услышали это по телевизору, и можно представить чувства директора. На наше счастье, в это же время по соседству, в конференц-зале Союза кинематографистов, проходила большая пресс-конференция по демократизации телевидения. Я попросил сто ведущих журналистов обойти весь Дом и засвидетельствовать, что террористов здесь нет. Два моих сотрудника, оба бывшие полковники, составили официальный рапорт. Об этом написали «Аргументы и факты». Охотники за террористами были опозорены.

— Союз кинематографистов СССР был самым «левым» творческим союзом времен перестройки. Именно «киношники» восстанавливали в своих рядах Александра Галича и Василия Аксенова. Четыре года назад только в Доме кино отметили семидесятилетие Солженицына.

— Мы с Виктором сразу решили сделать из Дома нечто большее, чем премьерный кинотеатр для элиты. Раньше и должность директора была чисто хозяйственной: свет горит — и ладно. Мы собрали в правление самые яркие таланты и придумщиков, и ЦДК стал постепенно меняться. Вечера Солженицына, Коржанина, Войновича — когда больше никто не рисковал. Мы действительно долго находились под давлением различных организаций, но Дом кино возглавляли два человека. На лауреата Государственной премии СССР Мережко и заслуженного деятеля искусств Азербайджанской ССР Гусмана цыкнуть, как на простых чиновников, было невозможно. Вот постепенно Дом кино и стал своего рода Смольным демократического движения.

— Думаю, больше половины отече-

ся очень стыдно за тех, кто собирался столкнуть нас в коммунистическо-фашистскую пропасть.

— Но в Америку, Японию, Китай вы все-таки ездите не только отдыхать или спасаться от путчей, но и работать, ставить спектакли и представления. «Дитя мира», «Дракон»...

— Я расскажу очень поразивший меня пример. В Далласе я работал в профессиональном театре с профессиональными актерами над мюзиклом «Дракон». Первая читка пьесы. Как мне всегда казалось, я могу хорошо рассказать свое видение будущего спектакля. Я собрал этих профессиональных актеров и начал говорить, петь, плясать... Но: один зевнул, потом другой, третий. А это была не утренняя репетиция, а вечерняя. Я пришел домой убитый: кошмар! провал! я им не понравился. А мне говорят: нет, ты им очень понравился. А зевали они, потому что каждый из них с утра работает: телеграфистом, официантом, шофером, программистом — кто где. Ни один из них не может жить на деньги, которые дает театр, хотя все они — актеры очень высокого класса.

Необязательно на волне приватизации закрывать все санатории, все пионерские лагеря, все бесплатные больницы. Возможно, надо сегодня предусмотреть — хотя бы на первоначальный период — государственную поддержку искусств, федеральное спонсорство, меценатство. Если бы не такая поддержка, у нас никогда бы не было национальных кинематографий. Да, боюсь, уже и не будет больше. Сейчас огромные проблемы с прокатом, но нам удается сохранить единое кинематографическое пространство. Я не знаю другой такой сферы, где бы все бывшие республики бывшего СССР не хотели бы разбегаться и входили в одну организацию. — Конфедерация Союзов кинематографистов.

ВЕРНЕМСЯ на десять лет назад. Снимается музыкальный телефильм «Не бойся, я с тобой!» (по сценарию Юлия Дунского и Валерия Фрида). С этой картиной у режиссера Гусмана связано очень теплое воспоминание.

— На этом фильме я много времени уделяю трюкам. Я человек ответственный, два года занимался каратэ, создал федерацию каратэ Азербайджана и стал ее председателем. И только после этого счел для себя возможным ставить фильм о каратистах. Вообще подошел к фильму очень серьезно: работала замечательная группа каскадеров Мухтарбека Кантемирова, за тридевять земель мы привезли лучших лошадей, купленных за валюту. Композитор и певец Полад Бюль-Бюль оглы денно и нощно тренировался скакать на коне. И надо было устроить обвал, чтобы гряда камней упала на дорогу.

Чуть ли не год мы готовились к этой съемке. Потратили весь динамит азербайджанских буровиков на десять лет вперед, привезли дополнительные камеры из Баку, в жару лазили по горам, рискуя свариться, и заправляли в щели патроны. И вот наступил наш час. Я командовал: «Мотор!», ракета — вверх, и... Раздался такой звук, будто на горе пукнул ишак. Упало четыре камешка...

Мне сказали, что кроме каратэ в фильме не было ни одного стоящего трюка.

ДИРЕКТОР Дома кино получает 7200 рублей. Причем не так уж давно — до октября — его зарплата составляла 3500. Но Гусман может поставить спектакль в том же Далласе и обеспечить себя на год вперед. А весь ЦДК? А взятый на содержание комплекс Союза кинематографистов? Раньше Дом жил на 670 тысяч в год. Теперь только месячный бюджет составляет два с половиной миллиона. Но Дом кино держится. Платным не становится, брошюры, календари печатают (в то время как в других «лучших домах» — увы — перешли на листочки из папиросной бумаги).

— Давно говорят, что вы собираетесь купить Дом кино, выгнать старых гардеробщиц и билетерш, набрать молодых девушек, устроить здесь ночной клуб.

— Про нас много говорят, и я с интересом это слушаю. А тем временем люди, про которых ничего вообще не говорили, втихую приватизировали весь Киноцентр со всеми молоденькими гардеробщицами. Про них и слухов не было. Никто Дом кино не собираются ни покупать, ни приватизировать, ни акционировать. Я как кинематографист — убежденный противник превращения общественной собственности СК в частную. Секретариат можно переизбрать, если он не справляется. Правление заменить, директора выгнать, а собственности не переизберешь.

— У директора Центрального Дома кино есть любимый фильм?

— Когда я не был директором, я сидел в зале Дома кино каждый день. А в последнее время — два-три раза в год, и то когда идут фильмы моих друзей и неудобно идти в кабинет работать. Да уж, общественная и «руководящие» работы сильно мешают творчеству. Мне кажется, что замечательный спектакль Сергея Соловьева «Три сестры» имеет не меньшее принципиальное значение, чем вся деятельность секретариата под его руководством, а может, и большее. Мне очень нравится, что Виктор Мережко не только руководит правлением ЦДК и появляется на телеэкране, но продолжает с еще большим интересом и плодотворностью писать свои прекрасные сценарии.

— Ну а вы сами?

— Да и сам я надеюсь, что еще в этом году начну ставить новый спектакль и запущу фильм, над сценарием которого сейчас работаю с молодыми сценаристами.

Вообще никакой МВФ, никакая гуманитарная помощь и уж точно никакие советчики нам не помогут, если мы не попытаемся вылезти из дерьма сами.

Не хочу хвастаться, но свою деятельность на посту директора Дома кино я начал с того, что добился, чтобы в туалетах ЦДК всегда была бумага, кусок мыла, было чисто и играла тихая приятная музыка, «как у них там за границей». Бумагу воровали, на стульчики залезали в любимой народом позе орла. Но вот уже пять лет бумага есть и музыка играет. Это не совсем та музыка, которая должна звучать в финале спектакля «Три сестры», но она все равно тихая, еле слышная, и играет каждый вечер. Хочется надеяться, что она будет играть и дальше.

Михаил ГУРЕВИЧ.